DOI: 10.17976/jpps/2017.03.05

ТРАНСФОРМАЦИЯ ГЛОБАЛЬНОГО МИРОПОРЯДКА: ДИНАМИКА СИСТЕМНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

В.Г. Барановский

БАРАНОВСКИЙ Владимир Георгиевич, академик РАН, доктор исторических наук, профессор, член дирекции Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, научный руководитель Центра ситуационного анализа. Для связи с автором: baranovsky@imemo.ru

Барановский В.Г. Трансформация глобального миропорядка: динамика системных изменений. – Полис. Политические исследования. 2017. № 3. С. 71-91. DOI: https://doi.org/10.17976/jpps/2017.03.05

Статья поступила в редакцию: 27.02.2017. Принята к печати: 17.03.2017

Аннотация. В статье, – контрапунктом к традиционным подходам, описывающим глобальные изменения как разрушение прежнего миропорядка и вступления в нестабильную эру всеобщего "отказа игры по правилам", – эти изменения рассматриваются как продолжающееся формирование новой международно-политической системы, которая преемственно замещает классическую биполярность. Автор уделяет особое внимание углубленному анализу текущей конфигурации международной системы, в том числе различным сценариям ее возможного развития, включая перспективы: возрождения однополярного мира или какой-либо версии новой биполярности, сползания в хаос, воссоздания "концерта наций" или многополярности как принципиально новой глобальной конфигурации центров силы. Даются оценки современной динамики глобальных центров влияния, соответствующих нисходящих и восходящих трендов, трансформации геополитического пространства, формирования новых субъектов (игроков) глобальной политики. Изучение структурных подвижек трансформирующейся внутренней иерархии международной системы (включая расширение круга стран, претендующих на вхождение в ядро международно-политической системы) позволяет автору говорить о становлении новой конфигурации и баланса сил на глобальном и региональных уровнях. Достижение глобальной сбалансированности этой формирующейся новой глобальной иерархии в перспективе почти неизбежных новых глобальных размежеваний рассматривается автором как один из основных вызовов, возникающих перед мировым сообществом. Особую роль в этой ситуации приобретают существующие и выстраиваемые заново механизмы и форматы глобального регулирования. В заключение автор дает обзор наиболее острых проблемных тем международно-политического развития: обеспечение глобальной безопасности и режима нераспространения ядерного оружия, механизмов сдерживания трансграничного применения силы, странового статуса территорий, а также формулирует задачу и критерии достижения зрелости глобального миропорядка.

Ключевые слова: глобальный миропорядок; глобальное регулирование; международно-политическая система; трансформация; безопасность; многополярность; баланс сил; центр силы; Россия; Запад.

Происходящие на мировой арене изменения могут трактоваться по-разному. Сегодня популярен взгляд, согласно которому в середине текущего десятилетия завершилась целая эпоха. Разрушен миропорядок, который создавался после окончания холодной войны и в то же время сохранял

некоторые элементы ялтинско-потсдамской системы[1]. Мы вступаем в новую эру – усиливающейся нестабильности, наступательного национализма, отказа от игры по правилам, повышенных рисков, опасного балансирования, эрозии сдерживающих факторов – и прочих неприятностей.

В настоящей статье исходная точка рассуждений иная. Изменения (в том числе и приобретающие порой драматический характер) рассматриваются как продолжающееся формирование новой международно-политической системы, которая замещает классическую биполярность. Процесс этот начался на рубеже 1980-1990-х годов и не завершен до сих пор.

1. КОНФИГУРАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ СИСТЕМЫ: СЦЕНАРИИ РАЗВИТИЯ

Формирование субститута старой системы идет не по одной, а одновременно по разным траекториям (иногда параллельным, иногда взаимоисключающим), из которых наиболее значимые можно различать по целеполаганию той или иной версии миропорядка, выстраиваемого по следующим лекалам.

Однополярный мир. Его основа – *моноцентричная система под управлением одной державы (США)*, действующей на началах безусловной гегемонии и ничем не ограниченного унилатерализма (внешней политики, не принимающей во внимание интересы других участников международной жизни).

В представлениях части западных (прежде всего американских), но также и отечественных элит концептом однополярности описывается ориентир международно-политического развития, либо провозглашаемый открыто, либо (чаще) подразумеваемый в качестве очевидной и даже не особо маскируемой цели. Понятно, что для одних – ориентир желательный, у других вызывает неприятие и отторжение. После окончания холодной войны в течение некоторого времени это была отнюдь не только концептуальная схема: первая администрация президента Дж. Буша-мл. дала множественные основания полагать, что взаимоотношения США с внешним миром выстраивались именно по такому лекалу.

Нет нужды говорить о том, что для России реализация данной модели совершенно неприемлема. Но нет оснований и фокусировать на ней повышенное внимание. Ее несостоятельность наглядно была выявлена в 1990-е годы, и сегодня она носит маргинальный характер в политико-аналитическом дискурсе. Однако она циркулирует в "редеющих рядах" экстремистски настроенных сторонников установления американской гегемонии. А с другой стороны, в своем разоблачительном варианте эта формула остается популярной в пропаганде, ориентированной против США. Для России было бы контрпродуктивным форсировать пафос "противодействия однополярному миру": неоправданно высокое внимание к этой теме одновременно нагнетает явно преувеличиваемые опасения и подпитывает конфронтационную ментальность.

Новая биполярность, предполагающая *разделение мира на два лагеря и их противоборство*. Перечислим ее основные варианты:

– США *vs* Китай (чаще всего встречающаяся дихотомия);

– "страны золотого миллиарда" *vs* обездоленная часть человечества;

[1] Литература по этой теме необозрима, поэтому ограничимся лишь некоторым кратким и заведомо неполным перечнем научных источников [Arrighi 1994; Bull1977; Haass 2008; Kissinger 1994; Mandelbaum 2006; Nye 2015; 2017; Power, Order, and Change... 2014; Slaughter 1997; Spruyt 2000; The World after Crisis... 2008; Zakaria 2008].

– "страны *status quo*" *vs* заинтересованные в изменении международного порядка;

– страны "либерального капитализма" *vs* страны "государственно-монополистического (авторитарного) капитализма";

– Россия + Китай + антизападные режимы *vs* Запад во главе с США.

С точки зрения интересов России в отдельных ситуациях и на краткосрочную перспективу некоторые проявления "новой биполярности" могут, на первый взгляд, показаться привлекательными. Но по большому счету такая модель имела бы для нее такие же социально-экономические и иные издержки, как и холодная война для Советского Союза (что стало одним из источников его недееспособности). Возможные выигрыши для России далеко не очевидны; не ясно, смогут ли они компенсировать указанные издержки. Чтобы выступать в качестве лидера в случае вовлечения в "новую биполярность", России пришлось бы мобилизовать значительные материальные и политические ресурсы в ущерб решению других актуальных для страны задач. Она, конечно, могла бы оставаться на вторых ролях в рамках такой модели – но вряд ли сочла бы это удовлетворительным для себя модусом.

Обратим внимание на один из упомянутых выше вариантов биполярности – "США *vs* Китай". Для России эта модель столь же непривлекательна, как и "однополярный мир". Мы вряд ли были бы готовы и сумели бы лавировать между двумя полюсами. Сомнительны и резоны для поддержки одного из них против другого.

Гипотетической антитезой американо-китайской биполярности можно считать международный "дуумвират" в составе этих двух стран (*G2*) – формулу, которая появилась как порождение пытливой и затейливой мысли некоторых политических аналитиков. В реальности экономическая взаимозависимость КНР и США и их сотрудничество действительно становятся все более масштабными и, несомненно, будут удерживать стороны от сползания в активную конфронтацию. Но все же элементы соперничества, как представляется, явно перевешивают даже сегодня и имеют шансы возрасти (причем существенно) в будущем. А модель американо-китайского "сердечного согласия" представляет собой в основном некую умозрительную схему, малозаметную в политико-аналитическом дискурсе. И серьезных причин настраиваться на резкое и энергичное неприятие указанного варианта развития не просматривается. Но России, конечно же, в любом случае надо будет тщательно отслеживать этот тренд – анализировать, каковы его масштабы и динамика, насколько он затрагивает ее интересы и требуется ли ему противостоять.

Сползание в хаос, тренд, предполагающий дезорганизацию международных отношений до степени воцарения полного бедлама, возникновение неупорядоченного и неструктурированного *"нового международного беспорядка"*. Модель "игры без правил"; в своем крайнем выражении – с широкими возможностями произвольного использования силовых военных и невоенных средств.

Значительная часть распространенных сегодня алармистских представлений о современной международно-политической обстановке и перспективах ее развития отталкивается именно от такого в*и*дения. Рассуждения о снижающейся управляемости международными отношениями стали уже общим местом и зачастую воспринимаются как нечто тривиальное и самоочевидное.

Такие представления, конечно, возникают не на пустом месте. Однако здесь важна сбалансированность и взвешенность оценок.

В ходе происходящей перестройки международной системы в отдельных ее сегментах действительно возникают элементы неупорядоченности, в том числе и сопряженные с опасными для России последствиями. Нарастает конфликтность в отдельных регионах. То, что еще недавно воспринималось в качестве общепризнанных или молчаливо соблюдаемых норм поведения, подвергается сомнению.

Но есть ли основания драматизировать масштабы этого феномена? Он отнюдь не привел к признанию "войны всех против всех" как реальности или неизбежности. Существующие механизмы взаимодействия государств на международной арене работают плохо, но их тотального обрушения не произошло. Да и участники международной жизни в подавляющем большинстве не заинтересованы в такой перспективе. Непредсказуемости развития по данному сценарию перевешивают любые возможные выигрыши. Так что вероятность его практической полномасштабной реализации невелика (если только не выводить все прогнозы из тезиса о неизбежном увеличении энтропии Вселенной...).

Это отнюдь не отрицает объективной потребности в придании международной системе более устойчивого характера, стабилизации тех ее элементов, которые не выдержали испытания временем и оказались неадекватными новым вызовам. Стоит особо подчеркнуть, что Россия объективно заинтересована в этом не меньше других. Считать, что коль скоро существующий миропорядок организован не в полном согласии с нашими принципами, интересами и устремлениями, мы выиграем, ликвидировав его "до основания" – самонадеянно и безответственно.

Концерт наций, возникающий на основе договоренностей в рамках узкого круга крупнейших держав, что, как предполагается, будет иметь ключевое значение для поддержания миропорядка – и в различных региональных контекстах, и на глобальном уровне. В качестве прообраза данной модели почти всегда называется система, созданная Венским конгрессом 1814-1815 гг. Согласно распространенному – но не бесспорному – мнению, она предопределила международный порядок в Европе как минимум до Крымской войны, а может быть, и на протяжении всего "долгого XIX века", вплоть до Первой мировой войны. Так почему бы не возродить этот подход сегодня?

Понятно, что он отражает совершенно очевидные международные реалии – весомую роль прежде всего крупных, влиятельных, авторитетных стран. Для России такая модель с высокой вероятностью гарантировала бы место в кругу "избранных". Однако есть серьезные сомнения насчет возможности ее формальной реализации – из-за проблем с составом участников "концерта наций" и полномочиями, которыми они будут наделены (как и кем будет определяться то и другое?). Далеко не очевидна и готовность принятия такого порядка "рядовыми" государствами, поскольку отнюдь не все они будут испытывать энтузиазм в связи с предложением делегировать "грандам" право на управление международной системой или отдельными ее фрагментами.

Дело осложняется еще и тем, что в идею "концерта наций" часто имплантируют принцип легитимности. Здесь опять возникают реминисценции касательно "венской системы" – когда фактически постулируется необходимость

и правомерность поддержания только законных режимов, что и должно быть основой совместного курса крупных держав. Между тем согласие последних отнюдь не гарантируется ориентацией на поддержку легитимных режимов; эта линия может разделяться многими участниками международной жизни по факту, но не в качестве провозглашенного и тем более безусловного принципа. Многие, вероятно, были бы готовы к молчаливому принятию этой формулы *ad hoc*; но настаивать на том, чтобы ведущие международные игроки договаривались между собой о взаимодействии в конфликтных ситуациях лишь с законными властями – бесперспективно.

Многополярность – наиболее значимая и широко принимаемая альтернатива биполярности. Отметим, что термины *многополярность*, *многополюсность* и *полицентричность* – в контексте рассматриваемых проблем – вполне правомерно использовать как синонимы. Различия между ними касаются только конвенциональной практики словоупотребления. То же самое относится к понятиям *центр силы*, *полюс влияния* и т.п.

Речь идет о тенденции стратегического порядка, которая постепенно и все более заметным образом проникает в реальности, складывающиеся на мировой арене. Строго говоря, эта модель начинает формироваться еще в недрах "старого" биполярного миропорядка, по мере размывания сплоченности каждого из противостоявших друг другу глобальных блоков ("Восток" и "Запад"), а также выпадения из их бинарной конфронтации значительной группы государств (например, бывшей Югославии и КНР). Синдром "победы в холодной войне" и особенно распад Советского Союза вызвали к жизни представления о возникшем (или возникающем) "однополярном мире", равно как и соответствующим образом сориентированную политику США и их союзников. Но это оказалось лишь временной и малосостоятельной антитезой более фундаментальной и долговременной тенденции международного полицентризма.

Его привлекательность для России обусловлена двумя обстоятельствами. Во-первых, объективным характером указанного тренда: перед нами стоит задача не инициировать его некими невероятными сверхусилиями, а лишь реалистически вписаться в происходящие процессы с учетом своих возможностей и целей. А во-вторых, именно с такой системой наиболее органичным образом соотносятся ресурсный потенциал страны, с одной стороны, и ее интересы в плане взаимоотношений с внешним миром – с другой. При любой другой организации миропорядка реализация даже умеренных внешнеполитических амбиций России была бы для нее весьма затратной – тогда как в полицентричном мироустройстве она как держава, обладающая значительными возможностями по многим объективным параметрам (территория, полезные ископаемые, научно-технический потенциал), смогла бы обрести более чем достойное место. Не говоря уж о том, что иные схемы были бы чреваты для России серьезными дополнительными потенциальными рисками и непредсказуемостями.

Главная проблема полицентричного мироустройства – как организовать его функционирование, обеспечить эффективность в плане международного управления и институциональной структуры, минимизировать возможные издержки. Ведь полицентризм – отнюдь не синоним гармонии на мировой арене. Со временем придется во все большей мере учитывать, что

полицентричная система международных отношений иерархична и борьба за место в иерархии будет нарастать во всех сферах – экономической, научно-технологической, культурно-идеологической, военно-политической.

2. ЦЕНТРЫ ВЛИЯНИЯ: *UPS AND DOWNS*

На мировой арене происходит перераспределение удельного веса различных центров влияния. Речь, в частности, идет об их способности оказывать воздействие на другие государства и на внешний мир в целом. Многие страны, которые в этом отношении традиционно считались обладающими весомым потенциалом, сталкиваются с немалыми проблемами в своем развитии, хотя в целом и сохраняют значительный ресурс влияния. И параллельно все более заметной становится роль ряда новых игроков из числа успешных государств Азии, Африки и Латинской Америки.

Вверх по лестнице, ведущей вниз. На смену еще недавно культивируемому образу "единственной оставшейся сверхдержавы" приходит все более широкое признание постепенного относительного ослабления США. Популярная интерпретация этого феномена соотносит его с началом конца американоцентричного мира. Однако важно иметь в виду сохранение огромных возможностей американского воздействия на международную жизнь. Роль США в мировых экономике, финансах, торговле, науке, информатике уникальна и будет оставаться таковой на обозримую перспективу. По размерам и качеству своего военного потенциала США не имеют себе равных в мире (за исключением примерного паритета с российским ресурсом в области стратегических ядерных сил).

США могут быть для международной системы как источником серьезных стрессов, так и агентом кооперативного взаимодействия с другими участниками международной жизни. В этом отношении критически важный фактор – готовность и умение элит США сдерживать присущий им гегемонистский синдром, соотносить свои интересы с интересами других участников международной жизни, формулировать амбиции на языке ответственного лидерства.

Серьезным источником неопределенности могут оказаться перипетии внутреннего развития США с их "выбросами" в сферу взаимоотношений с внешним миром. Нельзя исключать, что в США традиционная полемика между адептами изоляционизма и сторонниками активного вмешательства в международные дела будет время от времени обостряться и даже выдвигаться на первый план, хотя и с более современными акцентами и нюансами. Президентство Дональда Трампа покажет, насколько обоснованы предположения о том, что сфокусированность на внутренних проблемах может привести к сокращению внешнеполитического активизма страны. Но вне полемического задора предвыборной борьбы такой сценарий не кажется реалистичным.

Ослабление Запада? Весьма широко распространено представление об общем нисходящем тренде, характеризующем международные позиции Запада, в чем иногда видят чуть ли не самое фундаментальное изменение миропорядка за последние пять веков. Статистических подтверждений этого тезиса достаточно много. Как и адептов нового прочтения "Заката Европы" – почти через сто лет после публикации Освальдом Шпенглером этого первого манифеста евроскептицизма.

Но интерпретация данного феномена в информационном поле зачастую оказывается явно преувеличенной касательно его масштабов и возможных последствий. Плюс к этому надо иметь в виду, что одновременно на окружающий мир воздействуют генерируемые Западом разнообразные стандарты и алгоритмы (потребительские, культурные, ментальные, политико-организационные, социально-экономические и т.п.) – процесс противоречивый и неоднозначный, но в целом явно идущий с ускоряющейся динамикой. Если "постзападный мир" и формируется – то не столько отрицая, сколько абсорбируя исходящие от Запада импульсы.

Смещение на Восток. Вместе с тем векторы развития мировой экономики и "центр тяжести" международной системы все явственнее смещаются в направлении Азии. Именно сюда переключается внимание глобальных экономических акторов, которых привлекают растущие рынки, впечатляющая динамика хозяйственного роста, высокая энергетика человеческого капитала. И здесь же существуют наиболее острые проблемные ситуации (очаги терроризма, этноконфессиональные конфликты, ядерное распространение, территориальные споры).

Грандиозное геополитическое пространство открывает широкие возможности для конструктивного взаимодействия, но еще больше – для соперничества. Тем более, что зоны реально существующей или эвентуальной нестабильности частично перекрывают друг друга, а взаимоотношения крупнейших международных игроков содержат в себе существенный потенциал неопределенности.

Исламский мир становится все более заметным фактором международно-политической жизни. В некоторых отношениях влияние этого фактора оказывается деструктивным. Происходящая или потенциальная дестабилизация огромного территориального ареала от Северной Африки до Центральной Азии, религиозно-этнический экстремизм, распространение терроризма, соперничество между самими мусульманскими странами и вовлеченность конкурирующих друг с другом внешних держав – все это превращает регионы распространения ислама в самую серьезную проблемную зону трансформирующейся международной системы.

Пока нет оснований видеть в "подъеме ислама" формирование на его базе полюса или центра силы – по причине весьма проблематичной дееспособности исламского мира как некоей политической, экономической и даже идеологической целостности. Его внутренняя фрагментация по страновым, клановым и конфессиональным основаниям делает образ "столкновения цивилизаций" метафорой, вряд ли пригодной для описания системы международных отношений как на глобальном уровне, так и в региональных контекстах.

Активизация России на международной арене несомненна. На Кавказе, в Крыму и на Украине Россия обозначила сферу своих интересов на постсоветском пространстве и готовность действовать там энергично, напористо и не слишком обращая внимания на негативную реакцию других участников международной жизни. А включенностью в сирийский конфликт она продемонстрировала намерение присутствовать в стратегически важном регионе, но в еще большей мере – притязания на то, чтобы входить в число главных действующих лиц мировой политики.

С динамикой развития международной системы этот курс соотносится довольно противоречивым образом. Россия парадоксальным образом выступает одновременно (i) и как нарушитель сложившегося *status quo* (в качестве оппонента американской гегемонии, а также некоторых традиционных норм существующего мирового порядка); (ii) и как апологет консервативного отношения к устоявшимся правилам (энергично возражая против внешнего вмешательства, хотя и не признавая таковое в своих действиях); (iii) и даже как *de facto* сторонник возрождения некоторых уходящих в прошлое концептов (например, "зон влияния").

Но на радарах мировой политики она стала гораздо более заметной величиной. Внешние контрагенты должны были принять недвусмысленный *message*: с Россией необходимо считаться. Хотя за это ей пришлось заплатить достаточно высокую цену (санкции, репутационные издержки, спираль нарастающей конфронтации с Западом, неясное будущее стратегически важных отношений с Украиной).

Новые игроки. Поскольку международную систему больше не стягивают обручи биполярной конфронтации, она становится более фрагментированной – что открывает возможности для относительного усиления некоторых региональных игроков. Раньше они находились в основном под контролем (или по крайней мере в тени) главных действующих лиц на мировой арене. Сегодня – ощущают свободу рук, получают возможность продвигать свою повестку дня, а иногда и претендовать на лидерство или даже гегемонию в региональных масштабах. И становятся своего рода "точками роста" в формирующейся международно-политической системе.

Пример Турции в этом отношении кажется наиболее показательным. Он же свидетельствует о том, что ставки в борьбе "грандов" за влияние на новых игроков могут расти – чем последние иногда весьма успешно пользуются. Вместе с тем (в немалой степени из-за "неукорененности" в глобальном истеблишменте) их политика может казаться спонтанной, дерзкой и даже провокационной. А соперничество друг с другом – приводить к региональным коллизиям и конфронтациям.

3. МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРОСТРАНСТВО: НОВЫЕ ВВОДНЫЕ

Лабильная иерархия. В международной системе важнейший стержень – ее ***внутренняя иерархия***. Сегодня мы видим, как она постепенно становится все более многоплановой, вариативной, подверженной флуктуациям. "Ранжирование" в международных делах не выстраивается в виде раз и навсегда зафиксированной схемы – оно может менять свою конфигурацию и структуру в зависимости от множества причин. Например, от особенностей той конкретной сферы, о которой идет речь; от соотношения сил в ней (и в других сферах); от характера взаимоотношений между вовлеченными в нее государствами; от воздействия других привходящих обстоятельств.

Такой "калейдоскопический" характер иерархии в международных отношениях может быть источником напряжения, создавая потенциал неустойчивости как на глобальном уровне, так и в отдельных региональных сегментах мировой системы. Но это же обстоятельство придает системе дополнительную гибкость, позволяет легче адаптироваться к новым проблемным ситуациям.

Можно ожидать, что значимость данного фактора станет постепенно сокращаться по мере общей структуризации международных отношений. В ближайшей перспективе такая тенденция вряд ли будет превалирующей, но на отдаленных по времени горизонтах все же начнет набирать силу и станет более заметной. Рост экономической и политической взаимозависимости – ключевой параметр, обуславливающий эту тенденцию.

Если государство входит в **ядро международно-политической системы** – это само по себе есть свидетельство его высокого статуса и значительных возможностей влияния. За право присутствовать в этом ареопаге – неформальном, но более значимом, чем официальные статусные признаки, – конкурируют между собой примерно десять-двенадцать государств. Важнейшая новелла последнего времени – расширение их круга за счет стран, которые в предыдущем состоянии международной системы располагались не так уж близко от ее центра.

Это, конечно, прежде всего **Китай** – уже на протяжении как минимум всего отсчитанного нашим веком временно́го сегмента, а в ближайшем будущем и **Индия**. Укрепление их позиций все больше сказывается на складывающихся региональных и глобальных балансах экономических и политических сил и с большой вероятностью экстраполируется на обозримую перспективу – причем по экспоненте. В результате и перед этими восходящими державами, и перед другими участниками международной жизни открываются дополнительные возможности маневрирования и выстраивания коалиций. Что, впрочем, не исключает эвентуальных вызовов, связанных с этими странами. Роль и Китая, и Индии будет в очень значительной степени зависеть от (i) запаса их внутренней социально-экономической и политической устойчивости, а также (ii) характера проецирования их влияния вовне. И в том, и в другом отношении сохраняется потенциал неопределенности, что объективно будет требовать от всех международных игроков достаточно осторожной и сбалансированной политической линии – но также подталкивать их к взаимной конкуренции на этом поле.

В целом **главная системная интрига** формирующегося миропорядка развертывается по двум траекториям: (i) становление новой конфигурации и баланса сил на глобальном и региональных уровнях; (ii) отношения “центр – периферия” по проблемам развития в самом широком смысле слова – технологий, информации, ресурсов, финансовых инструментов, человеческого капитала, перемещения людей и т.п. Настройка глобальной сбалансированности системы в сочетании с поддержанием сложной и противоречивой динамики взаимоотношений внутри ее региональных сегментов – таков вызов, который возникает сегодня перед участниками международной жизни.

Новые размежевания на мировой арене. Импульсы к ним возникают в ходе текущих или возможных в будущем международно-политических трансформаций.

Одно из этих новых размежеваний – наиболее заметное, широко комментируемое и чаще всего представляемое в драматических тонах – идет по линии **Россия – Запад**. Здесь сливаются воедино разные факторы – и те, которые могут трактоваться как стимулирующие второе издание холодной войны (при всех отличиях от прототипа конца 1940-х годов и последующих четырех десятилетий), и свидетельствующие о проявлении геополитического соперни-

чества, и обусловленные внутриполитической динамикой. Масштабы явления удручают – настолько широк круг вопросов, по которым идет взаимное отторжение сторон: расширение НАТО на восток, соперничество за постсоветское пространство, события на Украине, применение силы без санкции Совета Безопасности ООН, планы ЕвроПРО, ситуация в Сирии... Кооперативная часть спектра возможных взаимоотношений если и не элиминирована полностью, то становится маргинальной и чуть ли не табуированной. Шансы на ее продвижение не исчезли совсем, но их становится все меньше. И нет особых надежд на то, что ситуацию удастся при желании – когда к тому возникнет политический импульс – выправить быстро и малыми усилиями. Взаимное доверие теряется легко, а приобретается трудно и долго.

Еще одна разделительная линия обозначилась между **Китаем,** с одной стороны, и **США с их союзниками** (прежде всего азиатскими), с другой. Для формирующейся системы международных отношений она может стать даже более значимым маркером, оттеснив перипетии с "российским разворотом" на задний план.

Как отмечалось выше, здесь иногда видят основание для новой биполярности. Если обогатить последнюю участием России, то оба размежевания могут оказаться взаимодополняющими. Их логика способна подталкивать Россию и Китай к сближению, стимулировать курс на конституирование ОДКБ / ШОС / БРИКС в качестве экономического и политического противовеса Западу.

Вместе с тем эту логику балансируют достаточно мощные экономические и политические императивы. Для основных стран ШОС / БРИКС (Россия, Китай, Индия) экономическое взаимодействие с Западом, зависимость от него в получении инвестиций и новейших технологий шире, чем значимость их взаимных связей. Есть противоречия и внутри ОДКБ / ШОС / БРИКС (между Индией и Китаем, Индией и Пакистаном, между странами Центральной Азии) – иногда более острые, чем между государствами указанных объединений и Западом. Так что политически мотивированного желания объединиться против "старого истеблишмента" международной системы может оказаться недостаточно.

В целом есть много оснований полагать, что в складывающейся сегодня международной системе главная ось будет формироваться по линии отношений США – Китай, выстраиваемых в соответствии с лекалами стратегического сотрудничества или стратегического противоборства. Это, однако, не предопределяет характер возникающих вокруг них коалиций и размежеваний.

Другие эвентуальные конфигурации размежевания могут сложиться **на почве противодействия исламскому радикализму**. В принципе этот тренд, если исходить из неких максималистских допущений, способен даже работать на сплочение России, Запада и Китая, ставя их по одну сторону баррикад. Но формирование такого треугольника под влиянием указанного стимула – слишком далеко идущая гипотеза, пока не находящая подтверждения на практике. Во всяком случае, хотя тревога касательно угрозы со стороны радикального (экстремистского) исламизма распространена весьма широко, сама эта озабоченность не приблизила его оппонентов к превращению в настоящих союзников – ни в трехсторонней, ни даже в двусторонней конфигурации.

Здесь важна и другая сторона медали: противостояние радикальным тенденциям таит в себе опасность привнесения в него межцивилизационных (межрелигиозных) коннотаций. Последствия могут сказаться как на внешней политике соответствующих стран, так и на комплексе отношений между немусульманскими и мусульманскими государствами. В странах с традициями ответственного политического лидерства эту опасность чувствуют и всячески стараются минимизировать. Но, во-первых, не во всех странах такого рода традиции носят устойчивый характер; во-вторых, на волне популизма может оказаться утраченным и, казалось бы, вполне надежный иммунитет от рискованных слов или действий на этом поле.

Насколько серьезны риски для международной системы, проистекающие из упомянутых импульсов к размежеванию? Проблема в том, что последние могут приобретать самодовлеющий характер, ограничивая свободу рук участников международной жизни и делая их заложниками инерционного курса. Не исключено и сознательное использование этой карты соперниками или недобросовестными конкурентами. Турбулентности переходного периода делают такую возможность достаточно реальной. На более отдаленных по времени горизонтах, по мере консолидации и упрочения новой системы, можно рассчитывать на некоторое снижение указанных рисков.

Суверенный партикуляризм. Дискуссии – и концептуальные, и на уровне практической политики – о том, как должны соотноситься друг с другом **внутренняя проблематика и международные отношения**, отнюдь не относятся к чему-то новому. Но сегодня сам этот вопрос приобретает весьма острую артикуляцию. Здесь возникают особенно серьезные вызовы в связи с коллизиями вокруг суверенитета и "цветных революций".

Минималистская (и даже запретительная) трактовка оснований и пределов для внешнего вмешательства во внутренние дела государств исходит из того, что таковое может быть выражением агрессивных поползновений некоторых участников международной жизни, их стремления к доминированию. Противоположный подход исходит из невозможности абсолютного суверенитета, указывает на глубочайшую (и усиливающуюся) связь проблемных ситуаций внутри страны с внешним миром, растущее влияние экономических и политических процессов, имеющих транснациональный характер.

В международно-политической практике на этой почве возникают не только полемические баталии, но и реальные (а нередко и кровавые) конфликты. Направление, на котором возможно решение проблемы, давно обозначено – это принятие государством на себя некоторых обязательств касательно соответствия своего внутреннего развития определенным международным критериям. Такие обязательства могут иметь формальный характер, но гораздо важнее, чтобы они составляли некий молчаливо признаваемый "кодекс поведения". Возможно, и то, и другое со временем будет становиться все более распространенной практикой. Но движение по этому пути если и началось, то сейчас в некоторых сегментах международной системы явно застопорилось (или вообще пошло в обратном направлении). В любом случае эволюция в данном направлении будет процессом очень небыстрым.

А вот вероятность дополнительной конфликтности на этой почве гораздо выше. Речь идет о ситуациях, когда внешние контрагенты охваченной волнениями страны трактуют происходящие в ней события с прямо противо-

положных позиций (как в случае с Украиной и Сирией) или когда не удается прийти к согласию о мерах, которые может и должно принять международное сообщество (как в случае с Ливией).

Если "углубление" во внутреннюю политику носит конфликтогенный характер, то его антитезой, казалось бы, правомерно считать "возвышение" над национально-государственным уровнем. Наличие **общих вызовов и глобальных проблем** традиционно рассматривается как фактор консолидации международного сообщества. Экология, климат, терроризм, другие формы транснациональной криминальной активности, здоровье людей, миграция – это лишь короткий (и далеко не полный) перечень ключевых слов, которыми обозначают расширяющееся поле международного сотрудничества. Его императивность – в понимании невозможности добиться значимых результатов, если действовать в одиночку.

Согласно оптимистическому взгляду на вещи, стимулы к сотрудничеству для ответа на общие вызовы окажутся столь значительными, что они, возможно, позволят даже преодолеть или, по крайней мере, как-то микшировать возникшее в последние годы обрушение отношений между Россией и Западом. К сожалению, здесь есть основания и для скепсиса.

– Прежде всего, имеется уже немалый опыт обращения к таким проблемам. Он безусловно позитивен, позволяет говорить о значительных результатах, достигнутых по многим конкретным направлениям международного сотрудничества. Но он же свидетельствует о том, что качественного прорыва в смысле воздействия на международную систему не произошло. Наглядный пример – проблематика борьбы с международным терроризмом. Она так и не стала драйвером совместных действий, как ожидалось после драматической атаки на Всемирный торговый центр 11 сентября 2001 г. А ведь общеполитические условия для такого развития были тогда гораздо более благоприятными, поскольку сохранялся позитивный импульс совместного опыта преодоления холодной войны. Но в таком случае какие у нас основания рассчитывать, что сегодня "война с международным терроризмом 2.0" окажется более успешной?

– Становится все очевиднее, что глобальные проблемы и общие для всех вызовы создают не только новые стимулы к сотрудничеству государств, но и новые противоречия между ними. Например, могут усугублять их фактическое неравенство по технологическим возможностям. Или неодинаково у разных стран соотноситься с их другими приоритетами (как это сейчас происходит в области кибербезопасности).

– И наконец, ориентация на решение таких проблем совместными усилиями исходит из модели глобализирующегося мира, общих ценностей, разделяемых всеми интересов. Но сейчас есть много признаков того, что набирает силу противоположный тренд, когда во главу угла ставятся прежде всего и только собственные озабоченности и интересы.

Последствия на этом треке могут сказаться и в гораздо более широком плане. Усиление "национальных императивов" в трактовке задач внешней политики, экономического развития, безопасности сегодня многим кажется правомерным и естественным. Трудно сказать, надолго ли – но этот крен становится более отчетливым. Если он сохранится или тем более усилится, то будет накладывать все более заметный отпечаток в целом на ментальность по

отношению к внешнему миру, ставя партикулярные мотивы на первое место. И отодвигая на задний план те, которые выходят за рамки национально-государственного прагматизма, соотносятся с проблемами социума в широком смысле слова или носят солидаристский характер.

4. Механизмы: инерционность и коррективы

Шквал критики в отношении существующего миропорядка парадоксальным образом сочетается с отсутствием сколько-нибудь убедительных идей на предмет его "обновления". Поэтому нет оснований ожидать кардинальной перестройки структур международного взаимодействия. Реалистическая перспектива – не радикальная трансформация международной системы, а упрочение механизмов, через которые обеспечивается ее функционирование, хотя и с возможными достаточно важными коррективами.

Ключевое звено. Подавляющее большинство стран поддерживает тезис о центральном месте ООН в организации международной жизни. Этот подход сохраняется как безусловный официальный алгоритм – хотя на практике нередко дает сбои и тогда сочетается с поиском альтернатив. Последние, однако, принимаются и продвигаются по прагматическим основаниям, а не как принципиальная антитеза ориентации на ключевую роль ООН. Популистские антиооновские эскапады шансов на успех не имеют.

В рамках такого подхода возможны изменения по тем или иным аспектам деятельности организации, включая и реформу Совета Безопасности ООН (не ставящую под вопрос право вето его постоянных членов). Обеспечение более широкой представительности этого органа может иметь шансы на практическую реализацию.

Глобальное регулирование. При сохранении основных многосторонних форматов взаимодействия, нацеленных на глобальное регулирование, в некоторых из них могут произойти определенные изменения.

– **G7 ("большая семерка")** будет все больше действовать как площадка для обмена мнениями между крупнейшими западными странами, полезная для поддержания контактов, но вряд ли способная приводить к прорывным решениям. Новое качество она смогла бы обрести в случае присоединения Китая. Возвращение России могло бы стать символическим актом восстановления ее нормальных отношений с Западом, но маловероятно при сохранении существующих тенденций.

– **G20 ("большая двадцатка")** будет пытаться постепенно наращивать свой потенциал для согласований самого общего плана по финансово-экономическим аспектам международного развития, не требующим тщательной проработки и имеющим достаточно ограниченное практическое значение. Не ясно, окажутся ли результаты деятельности "двадцатки" более весомыми, чем то, что предлагают другие структуры (например, в сравнении с рекомендациями по линии МВФ). Но заинтересованность в ее сохранении как элемента системы глобального управления, пусть пока и носящего скорее символический характер, сохраняется.

– В рамках многочисленных межгосударственных структур (прежде всего под эгидой ООН) процесс **многосторонних согласований по различным функциональным направлениям** будет продолжаться с повышающейся интенсивностью – по мере наращивания взаимозависимостей в контексте глобализации

(и вопреки прогнозам о ее затухании). Некоторые механизмы могут быть достаточно серьезно скорректированы с целью изменения на предмет повышения возможностей мониторинга и регулирования. Для России актуальным является решение вопроса о **вступлении в ОЭСР** – желательно не откладывая это до урегулирования общих проблем взаимоотношений с Западом.

Региональный контекст. Большинство из существующих сегодня многосторонних межгосударственных структур ориентируются на региональное и трансрегиональное взаимодействие. Многие (хотя и не все) являются важным фактором международно-политического ландшафта. Некоторые из них имеют высокую значимость для России – прежде всего сориентированные на общеполитическую проблематику, обеспечение безопасности, продвижение многостороннего сотрудничества, такие как ШОС, ОДКБ, ОБСЕ, НАТО, ЕС, Совет Европы, БРИКС.

Свою линию в отношении каждой из этих структур Россия должна будет выстраивать на основании конкретных оценок. Но целесообразны и некоторые общие параметры российской политики – поддержание и укрепление стабильности по российской периферии; формирование позитивного имиджа России; наращивание кооперативных элементов в формирующемся миропорядке и снижение конфронтационного начала. При всей приоритетности индивидуальных отношений со странами-членами целесообразно воздерживаться от противопоставления двусторонних и многосторонних форматов.

Мегаблоки. Важным фактором глобальной динамики становится формирование новых политико-экономических мегаблоков и выдвижение соответствующих интеграционных проектов, таких как Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство (ТТИП), Трастихоокеанское партнерство (ТТП), Экономический пояс шелкового пути (ЭПШП), Евразийский экономический союз (ЕАЭС). Для выявления их реальной значимости, скорее всего, потребуется время. По некоторым направлениям здесь возможно торможение или даже попятное движение. Но в целом в формирующейся международной системе данному компоненту будет принадлежать значимое место. Хотя здесь надо иметь в виду как объективную экономическую составляющую этого развития, так и его политический контекст – неодинаковый применительно к каждому конкретному случаю. Россия патронирует ЕАЭС; Китай продвигает ЭПШП; те, кто не рассчитывает получить доступ в ТТИП и ТТП, критикуют их по мотивам селективного подхода и т.п. Тем не менее ламентации касательно дискриминационного характера некоторых из указанных структур неуместны (и бессмысленны).

Все более значимым фактором международной жизни становится дальнейшее повышение роли и значения **негосударственных акторов** в глобальной политике. Активизируется их вовлечение в решение проблем, возникающих на международной арене. И вместе с тем растут риски, связанные с их деятельностью.

Субститутом государств в качестве главных действующих лиц на мировой арене они не становятся – вопреки прогнозам на этот счет, которые появлялись вплоть до относительно недавнего времени. Но число их увеличивается, масштабы деятельности расширяются. Везде, где возникает потребность в трансграничном взаимодействии – будь то сфера материального производства или организация финансовых потоков, деятельность этнокультурного

или экологического характера, правозащитная или криминальная активность – таковое происходит с возрастающим участием негосударственных образований различного рода.

Некоторые из них, выступая на международном поле, бросают вызов государству (как, например, террористические сети), могут ориентироваться на независимое от него поведение и даже располагать более значимыми ресурсами (бизнес-структуры), проявляют готовность взять на себя ряд его рутинных и особенно вновь возникающих функций (традиционные неправительственные организации). В результате международно-политическое пространство становится поливалентным, структурируется по более сложным, многомерным алгоритмам.

Государство этого пространства не покидает, но реагирует на присутствие там негосударственных акторов по-разному. В одних случаях ведет жесткую борьбу с конкурентами и / или оппонентами – и эта борьба становится мощным стимулом межгосударственного сотрудничества (например, по вопросам противодействия международному терроризму и международной преступности). В других стремится поставить их под контроль. Или пытается повлиять на них – например, добиться того, чтобы их деятельность была более открытой и содержала более весомую социальную компоненту (как в случае с транснациональными бизнес-структурами).

Стандартом, нормой все больше становятся отношения, выстраиваемые на началах партнерства, но это не всегда оказывается достижимым. Активность негосударственных структур, действующих в трансграничном контексте, достаточно часто вызывает раздражение официальных властей в тех случаях, когда последние становятся объектом критики и давления. Можно ожидать, что таковое в формирующемся миропорядке будет только усиливаться – вызывая, вполне вероятно, упреки в игнорировании национальных интересов. Но как показывает практика, адаптируемость к международной среде, способность использовать ее в своих интересах оказываются выше у государств, умеющих наладить взаимодействие с негосударственными структурами.

5. Проблемные темы: меняющиеся акценты

Формирующийся миропорядок привносит некоторые новые акценты в подходы к ряду ключевых проблемных тем международно-политического развития.

Обеспечение безопасности. Первое, что обращает на себя внимание – это более широкая трактовка безопасности и всего, что с ней связано (угроз и вызовов; условий обеспечения; используемых методов, средств и инструментов; параметров возможного взаимодействия с внешними контрагентами и т.п.). Представления на этот счет становятся более разноплановыми и многомерными. Иногда они приобретают поистине всеобъемлющий характер и подменяют собой любые другие характеристики социума.

Это – крайне противоречивая тенденция. С одной стороны, разумно стремиться к преодолению подхода, который во главу угла ставит только (или преимущественно) военные аспекты безопасности. С другой – если любую проблему можно объявить относящейся к национальной безопасности, то размывается не только специфика последней, но и ее адекватная оценка. Соображения насчет ее укрепления могут формулироваться не на основе внятных критериев, а исходя из искусственно нагнетаемого алармизма.

Отмеченная тенденция парадоксальным образом сочетается с возвратом к традиционному военно-силовому мышлению. Так, реакцией НАТО на украинский кризис стало:

– повышение боеготовности вооруженных сил;

– укрепление военно-политического взаимодействия со странами по российской периферии (Молдавией, Украиной, Грузией);

– коррективы военно-политической стратегии;

– наращивание сил быстрого развертывания с повышением их боеготовности и значительным увеличением численности;

– создание кадрированных штабных структур по восточной периферии альянса для обеспечения возможности быстрого широкомасштабного развертывания этих сил в новых странах-членах;

– усиление взаимодействия разведывательных ведомств.

Возвращаются к жизни и старые алгоритмы. Например, тот, которым описывается классический парадокс безопасности: в заботе о своей безопасности вы ее укрепляете – но при этом подталкиваете оппонента к ответным действиям – каковые еще больше подрывают вашу безопасность и вызывают встречную реакцию уже с вашей стороны. Это движение по кругу может воспроизводиться снова и снова, с каждым разом все больше подрывая стабильность. Причем почва для необратимых последствий оказывается подготовленной уже на ранних циклах этого круговорота.

Тут проявляется и еще одна удручающая закономерность – самооправдывающегося пророчества. Не это ли произошло в связи с развитием кризиса вокруг Украины?

– Одним из мотивов действий Москвы было желание не допустить разворота Украины в сторону Запада – который в результате стал по сути дела необратимым.

– Другая озабоченность касалась усиления военных возможностей НАТО вблизи российских границ – что и стало происходить уже вскоре после разразившегося кризиса.

– Настораживала перспектива появления на украинской территории вооруженных сил и элементов военной инфраструктуры НАТО (Запада) – но теперь она перестает носить теоретический характер и может перейти в плоскость практической реализации.

Бессмысленно спорить, вызывает новый миропорядок к жизни эти коллизии или “всего лишь” создает для них благоприятные условия. Тревожит то, что в любом случае такое развитие делает обстановку в мире менее устойчивой.

Ядерное оружие, нераспространение. В новых условиях происходит – для многих неожиданно – возрождение некоторой озабоченности проблемами ядерного вооружения. Тех, которые казались преодоленными на протяжении нескольких последних десятилетий, когда нарабатывался опыт их обсуждения политиками, экспертами и официальными переговорщиками, готовились и заключались официальные соглашения, осуществлялась интенсивная деятельность по их верификации.

Некоторые высказывания, сделанные на высоком уровне в связи с событиями последних трех лет, могут быть восприняты или интерпретированы

как политическое использование ядерного оружия, а в более широком плане – как его публичная легитимация. А ведь и то, и другое уже на протяжении десятилетий являлось если не табуированной, то неполиткорректной темой.

К этому добавляются начавшиеся дискуссии экспертов – о возможностях применения ядерного оружия, его роли в предотвращении эвентуального конфликта, его использовании для прекращения эскалации и т.п. Сам по себе всплеск острой полемики по вопросам ядерных вооружений примечателен. Но важно отметить, что она носит не только концептуальный характер, поскольку используемые аргументы "заточены" на соответствующие практические последствия.

На международных отношениях это может сказаться двояким образом.

Во-первых, посредством воспроизведения дискурса касательно стратегической стабильности (кредитоспособность ядерного сдерживания и т.п.) и возникающих на этой почве императивов для военного строительства. Отсюда, как нетрудно предположить, идет прямая линия к возрождению ядерного соперничества, причем после долгой паузы в вопросах контроля над ядерными вооружениями.

Во-вторых, поскольку отсутствие ясной перспективы уничтожения ядерного оружия будет оставаться самым убедительным обоснованием эвентуальных действий по его распространению. Обе темы были традиционными еще для миропорядка эпохи биполярной конфронтации и несколько утратили актуальность в контексте усилий по его перестройке, но могут снова выйти на первый план.

Наращивание военных усилий уже происходит (испытательные пуски ракет, создание новых типов ядерного оружия и т.п.). В результате опасения на этот счет приобретают конкретный, предметно осязаемый характер. На фоне масштабных военных приготовлений США обвинить Россию в инициировании новой гонки вооружений затруднительно. Но когда США подойдут к началу нового цикла в модернизации ядерных вооружений, ссылки на амбициозную российскую военную программу и достигнутые Россией результаты, которыми она заслуженно гордится, станут впечатляющим оправданием и обоснованием запроса Конгрессу на соответствующие ассигнования.

Применение силы. Одна из тревожных тенденций формирующегося миропорядка – "банализация" трансграничного применения силы. Даже Москва, которая традиционно придерживалась на этот счет максимально ограничительного подхода (никакого применения силы кроме как (i) в целях самообороны и (ii) с санкции Совета Безопасности), отошла от него в ходе бурных перипетий последнего десятилетия. Хотя вряд ли ее можно упрекнуть в том, что именно она инициировала эту тенденцию – Южной Осетии и Крыму предшествовали Югославия и Ирак.

Нельзя сказать, что "право сильного" становится безусловно господствующим алгоритмом. Международное право по-прежнему играет роль некоторого регулятора на этот счет (хотя далеко не всегда и с возрастающей "гибкостью" в его интерпретации). Могут работать и сдерживающие факторы иного характера (например, связанные с репутационными издержками). И все же ослабление самоограничителей (формальных и политических) касательно трансграничного применения силы – достаточно четко прослеживаемый тренд в международном развитии. Действия любой страны в этом ключе могут

иметь следствием более "легковесное" принятие соответствующих решений в будущем – как ею самой, так и другими участниками международной жизни.

В более широком плане – стоит отметить переоценку представлений об относительном уменьшении роли военной силы, которые были популярными в контексте преодоления холодной войны. Международному сообществу еще предстоит выяснить, какими последствиями чревата эта тенденция. Пальма первенства и здесь отнюдь не за Россией, но если в связи с Косово и Ираком она противодействовала этому процессу, то сейчас картина выглядит прямо обратной (Сирия). Россия в этом смысле оказывается в мейнстриме, поскольку не исключено, что применение силы может стать даже более широким по территориальному ареалу. Проблему будут скорее видеть в том, чтобы обеспечить достижение максимального результата в кратчайшие сроки и при минимизации политических издержек (как внутренних, так и внешних).

Наконец, разграничение между "силовым" и "несиловым" воздействием трансграничного характера становится все более размытым. Это обстоятельство достаточно четко отражается понятием "гибридная война" (за неимением лучшего термина). Оно фокусирует в себе как опасения касательно внешних угроз, так и возможности воздействия на других. И может включать в себя все – от "черной" пропаганды до подкупа политиков, от кибератак до дестабилизации финансовой системы, от организации сепаратистских движений до действий спецназа и т.п. В сущности, указанное явление тоже нельзя характеризовать как нечто абсолютно новое – из истории хорошо известны многочисленные примеры на этот счет. Новыми (по итогам последних лет десяти-пятнадцати), пожалуй, можно считать три обстоятельства:

– использование соответствующих "технологий" было протестировано в беспрецедентно широких масштабах (что распахивает им дверь в будущее);

– возможности пропагандистских и политических манипуляций в этой области оказались на порядок более высокими;

– возникла своего рода апология "гибридных войн" – когда их начинают считать более результативными (или более опасными – в зависимости от угла зрения) в сравнении с традиционными методами.

Впрочем, в отношении всех этих оценок могут возникать вполне обоснованные сомнения – из-за их насыщенности конспирологическим компонентом в сочетании с упомянутым фактором манипулятивности.

Территории и границы. Еще одна старая проблема вырисовывается на палитре формирующегося миропорядка. Речь идет о страновом статусе территорий – что включает или затрагивает такие темы, как изменение границ, сецессия, ирредентизм и т.п. Все они могут обрести новое дыхание в условиях, когда во многих регионах вековой иммобилизм сменяется всплеском социальной активности и поиском идентичности.

Из "предыдущего" состояния международной системы мы знаем, что вопрос о границах и страновой принадлежности территорий исключительно сложен и насыщен противоречиями. Существует огромная история вопроса; есть общее понимание, что здесь нельзя действовать с наскока и второпях (или же потом за это придется всерьез расплачиваться); наработаны самые разнообразные подходы (в том числе на весьма высоком профессиональном уровне по линии ОБСЕ). Может ли все это быть проигнорировано в условиях формирующегося миропорядка?

Россия решила вопрос с Крымом быстро и на первый взгляд исключительно эффективно. А вот открывает ли это путь к осуществлению такого же сценария в других местах и другими действующими лицами – не ясно. Поскольку не очевидно, какие выводы можно было бы сделать из "крымского прецедента":

• обоснованность / целесообразность прямого применения силы или ее проецирования с использованием "гибридных технологий"?

• бесспорное превалирование принципа самоопределения (волеизъявления народа) над любыми другими императивами?

• условный характер политических соглашений и договоренностей и возможность их игнорировать?

• ключевая роль изменений, сконцентрированных на небольшом промежутке времени (фактор "быстрой силы")?

• перспективность "собирания" земель по этническому основанию?

• важное значение внешних гарантий и поддержки (или отсутствия таковых)?

Все эти факторы, определяющие поведение государств в подобных кризисных ситуациях, специфичны и ситуативны. Но они могут "сыграть", особенно в зонах турбулентности (в Африке, на Ближнем и Среднем Востоке), – даже несмотря на убедительно продемонстрированные весьма высокие политические, репутационные и иные издержки односторонних действий, содержащих значимую силовую составляющую.

Здесь есть еще один сюжет для размышлений. То, что Россия не даст "задний ход" в отношении Крыма, очевидно. Очевидно и то, что те, кто инициировал (и кто искренне поддерживает) энергичную негативную реакцию на российские действия, не могут позволить ей превратиться в нечто рутинное, тусклое и бессмысленное (вызывающее в памяти формулы типа "1104-го серьезного китайского предупреждения"). Наконец, очевидно, что объективная потребность в нормализации отношений есть сегодня и будет нарастать в будущем. Чтобы привести все эти три императива к единому знаменателю, надо либо деактуализировать "неразрешимую" территориальную тему, либо, наоборот, сделать ее драйвером примирения. Когда – и если это удастся сделать в рамках формирующегося миропорядка – тогда и можно будет сделать вывод о его зрелости.

Arrighi G. 1994. *The Long Twentieth Century: Money, Power, and the Origins of Our Times*. L.: Verso. 400 p.

Bull H. 1977. *The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics*. N.Y.: Columbia University Press. 335 p. DOI: https://doi.org/10.1007/978-1-349-24028-9

Haass R.N. 2008. The Age of Nonpolarity. What Will Follow U.S. Dominance. – *Foreign Affairs*. May/June. URL: http://www.cfr.org/united-states/age-nonpolarity/p16034 (accessed 15.03.2017)

Kissinger H. 1994. *Diplomacy*. N.Y. Simon & Schuster. 912 p.

Mandelbaum M. 2006. *The Case for Goliath: How America Acts as the World's Government in the 21st Century*. N.Y.: Public Affairs. 294 p.

Nye J.S. Jr. 2015. *Is the American Century Over?* Cambridge, Malden: Polity Press. 152 p.

Nye J.S. Jr. 2017. Will the Liberal Order Survive? The History of an Idea. – *Foreign Affairs*. Vol. 96. No. 1. P. 10-16.

Power, Order, and Change in World Politics. Ed. by G.J. Ikenberry. 2014. Cambridge: Cambridge University Press. 295 p.

Slaughter A.-M. 1997. The Real New World Order. – *Foreign Affairs*. Vol. 76. No. 3. P. 183-197. DOI: https://doi.org/10.2307/20048208

Spruyt H. 2000. The End of Empire and the Extension of the Westphalian System: The Normative Basis of the Modern State Order. – *International Studies Review*. Vol. 2. No. 2. P. 65-92. DOI: https://doi.org/10.1111/1521-9488.00205

The World after Crisis. Global Tendencies – 2025: Changing World. Report of the USA National Intelligence Council. 2008. – *Council on Foreign Relations*. URL: http://www.cfr.org/world/global-trends-2025-transformed-world---national-intelligence-councils-2025-project/p17826 (accessed: 15.03.2017)

Zakaria F. 2008. *The Post-American World*. N.Y.: W.W. Norton & Company. 292 p.

DOI: 10.17976/jpps/2017.03.05

TRANSFORMATION OF GLOBAL WORLD ORDER: DYNAMICS OF SYSTEMIC CHANGES

V.G. Baranovsky[1]

[1]*Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia*

BARANOVSKY Vladimir Georgievich, Full Member, Russian Academy of Sciences; Direction Member, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences. Email: baranovsky@imemo.ru

Baranovsky V.G. Transformation of Global World Order: Dynamics of Systemic Changes. – Polis. Political Studies. 2017. No. 3. P. 71-91. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.17976/jpps/2017.03.05

Received: 27.02.2017. Accepted: 17.03.2017

Abstract. The author considers the global changes to be an intrinsic part of the continuing formation of a new international political system, which is replacing the classical bipolarity; thereby, he opposes the approaches that describe the global changes as a process of destruction of the previous world order and the entry into an unstable era of the universal collapse of the "game by the rules". The author pays particular attention to an in-depth analysis of the current configuration of the international system, as well as to various scenarios of its development, such as: the revival of the unipolar world order or some kind of "new bipolarity"; slipping down to chaos; recreation of the "concert of nations" or multipolarity as a fundamentally new global configuration of power. The article analyzes the dynamics of the global centers of development, the corresponding downward and upward trends, the transformation of geopolitical space, and formation of the new actors of the global politics. Upon studying the structural shifts in the transforming inner hierarchy of the international system (including the expansion of the pool of countries aspiring to the core of the world international political system), the author concludes that a new configuration and a new balance of power are taking their shape on the global and the regional level. The author sees the global balance of this emerging new global hierarchy, in the context of virtually inevitable new global cleavages, as one of the key challenges facing the world community. In this framework, crucial role is played by the existing and newly built mechanisms and formats of the global regulation. In conclusion, the author discusses the most acute problems of international political development, namely provision of the global security, the nuclear nonproliferation regime, the mechanisms for containing transboundary use of force, the country status of territories, as well as sets forth the task and criteria for achieving a mature world order.

Keywords: global world order; international regulation; international political system; transformation; security; balance of powers; center of power; Russia; the West.

References

Arrighi G. *The Long Twentieth Century: Money, Power, and the Origins of Our Times*. L.: Verso. 1994. 400 p.

Bull H. *The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics*. N.Y.: Columbia University Press. 1977. 335 p. DOI: https://doi.org/10.1007/978-1-349-24028-9

Haass R.N. The Age of Nonpolarity. What Will Follow U.S. Dominance. – *Foreign Affairs*. May/June. 2008. URL: http://www.cfr.org/united-states/age-nonpolarity/p16034 (accessed: 15.03.2017)

Kissinger H. *Diplomacy*. N.Y. Simon & Schuster. 1994. 912 p.

Mandelbaum M. *The Case for Goliath: How America Acts as the World's Government in the 21st Century*. N.Y.: Public Affairs. 2006. 294 p.

Nye J.S. Jr. *Is the American Century Over?* Cambridge, Malden: Polity Press. 2015. 152 p.

Nye J.S. Jr. Will the Liberal Order Survive? The History of an Idea. – *Foreign Affairs*. 2017. Vol. 96. No. 1. P. 10-16.

Power, Order, and Change in World Politics. Ed. by G.J. Ikenberry. 2014. Cambridge: Cambridge University Press. 295 p.

Slaughter A.-M. The Real New World Order. – *Foreign Affairs*. 1997. Vol. 76. No. 3. P. 183-197. DOI: https://doi.org/10.2307/20048208

Spruyt H. The End of Empire and the Extension of the Westphalian System: The Normative Basis of the Modern State Order. – *International Studies Review*. 2000. Vol. 2. No. 2. P. 65-92. DOI: https://doi.org/10.1111/1521-9488.00205

The World after Crisis. Global Tendencies – 2025: Changing World. Report of the USA National Intelligence Council. 2008. – *Council on Foreign Relations*. URL: http://www.cfr.org/world/global-trends-2025-transformed-world---national-intelligence-councils-2025-project/p17826 (accessed: 15.03.2017)

Zakaria F. *The Post-American World*. N.Y.: W.W. Norton & Company. 2008. 292 p.